

Проблема мышления животных: взгляд Иммануила Канта*

Н.Ю. Чепелева

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена проблеме мышления животных, которая осталась нерешенной в философии Канта. Размышляя над чувственностью животных, Кант предполагает, что у них есть созерцания, представления и ощущения, но нет рассудка и разума. Он критикует картезианское убеждение о животном-автомате и берет животных под защиту «косвенного долга» в «Метафизике нравов». Однако в «Антропологии» Кант приравнивает животных к вещам, сближаясь с картезианством, и утверждает, что с животными можно обходиться по своему усмотрению. В статье предпринимается попытка объяснения причин этой трансформации взглядов. Утверждается, что решение о сближении животных с вещами могло помочь преодолеть ряд проблем, которые возникают, если включить в антропоцентричную систему Канта нечеловеческих агентов. Современное кантоведение преодолевает картезианство и работает с докритическим и критическим Кантом в контексте актуальных исследований, подтверждающих наличие как минимум чувственности у животных. Дискуссия об их когнитивном статусе встраивается в спор о концептуализме и нон-концептуализме у Канта. В статье утверждается, что, несмотря на склонность к концептуализму в отношении человека, Кант допускает нон-концептуализм, когда говорит о животных. Аргументация в защиту этого тезиса предлагается на основании оригинальных текстов Канта, а также моделей Дж. Хаттона, Л. Эллайс и Л. Стивенсона. Допущение нон-концептуалистских типов восприятия позволяет предположить, что в основе чувственных созерцаний животных может находиться только пространство без времени. В рамках кантовской философии нельзя

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10071 «Пространство и время в британской, немецкой и русской философии XVII–XIX веков», <https://rscf.ru/project/24-78-10071/>.

последовательно отстаивать такие подходы в отношении человеческого восприятия. Однако кантовская теория демонстрирует потенциал к включению в нее новых нечеловеческих типов внепонятийной осведомленности, и разработки в этой области оказываются перспективными в контексте эпистемологии, метафизики и этики.

Ключевые слова: история философии, кантианство, кантоведение, животные, чувственность, рассудок, пространство и время, концептуализм, нон-концептуализм.

Чепелева Наталья Юрьевна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

chepeleva.philos@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3667-9580>

Для цитирования: Чепелева Н.Ю. Проблема мышления животных: взгляд Иммануила Канта // Философские науки. 2025. Т. 68. № 2. С. 67–87. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-2-67-87

Issue of Animal Thinking: Immanuel Kant's Perspective*

N.Yu. Chepeleva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article addresses the problem of animal thinking, an issue that remained unresolved within Kant's philosophy. Reflecting on animal sensibility, Kant posits that animals possess intuitions, representations, and sensations, yet lack understanding (*Verstand*) and reason (*Vernunft*). He criticizes the Cartesian conviction of the animal-machine and places animals under the protection of an "indirect duty" in the *Metaphysics of Morals*. However, in the *Anthropology*, Kant equates animals with things, thereby approaching Cartesianism, and asserts that animals can be treated arbitrarily. The article attempts to elucidate the rationale behind this transformation in Kant's position. It is argued that the decision to align animals with things might have helped overcome certain problems arising from the inclusion of non-human agents into Kant's anthropocentric system.

* The study was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 24-78-10071 "Space and Time in British, German, and Russian Philosophy of the 17th–19th Centuries."

Contemporary Kantian scholarship moves beyond Cartesianism and engages with both pre-critical and critical Kant in the context of current research confirming that animals possess, at a minimum, sensibility. The discussion regarding their cognitive status is situated within the debate on conceptualism and non-conceptualism in Kant. The article posits that, despite Kant's inclination toward conceptualism concerning humans, he allows for non-conceptualism when discussing animals. Arguments supporting this thesis are drawn from Kant's original texts, as well as from the models proposed by J. Hutton, L. Allais, and L. Stevenson. Allowing for non-conceptualist types of perception makes it possible to suggest that the foundation of animal sensory intuitions might consist solely of space, without time. Within the framework of Kantian philosophy, such approaches cannot be consistently defended concerning human perception. However, Kant's theory demonstrates the potential to incorporate novel non-human types of non-conceptual awareness, and developments in this area prove promising for epistemology, metaphysics, and ethics.

Keywords: history of philosophy, Kantianism, Kant studies, animals, sensibility, understanding, space and time, conceptualism, non-conceptualism.

Natalia Yu. Chepeleva – Ph.D in Philosophy, Junior Research Fellow, Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

chepeleva.philos@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3667-9580>

For citation: Chepeleva N.Yu. (2025) Issue of Animal Thinking: Immanuel Kant's Perspective. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 2, pp. 67–87.

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-2-67-87

Введение

Проблема мышления животных остается нерешенной в рамках антропоцентричной философской системы Канта. Хотя Кант допускал возможность чувственности, представлений и ощущений у животных и брал из под защиту «косвенного долга», позднее он, несмотря на собственную критику картезианских представлений о животном-автомате, пришел к схожей точке зрения, поскольку уподобил животных вещам. В статье будет предложено объясне-

ние этой трансформации взглядов Канта в связи с развитием его философской системы.

На протяжении всего своего творчества Кант решительно отвергал возможность наличия у животных разума (*Vernunft*). Однако актуальным остается вопрос обоснования отсутствия у них рассудка (*Verstand*). Поскольку Кант предполагает, что животные обладают чувственностью (*Sinnlichkeit*), возникает принципиальная сложность при попытке концептуализации того, как функционирует чувственность в отсутствие рассудка. Априорными формами чувственности являются пространство и время, и если мы допускаем их наличие у животных, то вместе с тем мы предполагаем наличие у них не только представлений, но и внутреннего чувства и субъектности. Сам Кант явно не готов идти на такие допущения относительно животных, а значит, вопрос об их когнитивном статусе внутри его системы остается открытым.

Я буду использовать понятие «мышление» (*Denken*), поскольку у Канта именно мышление обеспечивает связывание многообразного созерцания в единое сознание и связано с суждением «Я мыслю» (*Ich denke*). Кант называет трансцендентальную логику наукой, содержащей принципы чистого мышления, в противоположность трансцендентальной эстетике как науке об априорных принципах чувственности (*KrV*, В 36) [Кант 2006а, 91–93]. Рассудок – это способность составлять суждения, т.е. мыслить, а мышление есть познавание через понятия (*KrV*, В 94) [Кант 2006а, 159]. Хотя Кант противопоставляет мышление и созерцание, в первом параграфе «Трансцендентальной эстетики» он отдельно указывает, что всякое мышление должно в конце концов иметь отношение к созерцаниям и чувственности (*KrV*, В 34) [Кант 2006а, 89]. Таким образом, проблема мышления – это проблема наличия «Я», в котором осуществляется синтез многообразных созерцаний, проблема существования рассудка и проблема соотношения чувственных созерцаний с понятиями.

Проблематика мышления животных представляет собой не просто частный вопрос, но один из существенных аспектов более общей для кантианства проблемы соотношения чувственного восприятия и понятийного мышления. Дискуссия о мышлении живот-

ных в современном кантоведении касается двух исследовательских полей: этики защиты животных и спора о концептуализме. В данной статье проблема чувственности и рассудка у животных обсуждается в контексте концептуализма и нон-концептуализма. Современные теоретики выстраивают кантианские модели, в рамках которых животные обладают чувственностью без рассудка и воспринимают пространство без времени. В контексте обсуждения этих моделей будут предложены аргументы в защиту подхода, предполагающего концептуализм в отношении человека и нон-концептуализм в отношении животных.

Трансформация взглядов Канта на проблему мышления животных

Уже в докритический период творчества Кант задавался вопросом о мышлении животных. В лекциях по метафизике второй половины 1770-х годов Кант утверждает: «Животные – не простые машины или материя, но у них есть души» [Кант 2000, 170]. Отличие животных от людей состоит в том, что животные лишены представлений, основанных на внутреннем чувстве, т.е. сознания себя самого, или «Я». Это значит, что у животных нет ни рассудка, ни разума, хотя мы можем приписывать им некий аналог разума, связь представлений которого осуществляется по законам чувственности [Кант 2000, 171]. Кант объясняет: говоря, что у животных есть душа (Seele), он имеет в виду «принцип жизни». Поэтому этот фрагмент можно рассматривать скорее как критику картезианства, а не убежденность Канта в том, что у животных есть бессмертная душа. Такая трактовка позволит избежать очевидного противоречия: Кант наделяет животных именно душой Seele, которую несколькими абзацами выше характеризует как простую субстанцию и напрямую связывает с «Я» [Кант 2000, 164].

В конце небольшой работы «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» (1762) Кант рассуждает о способности собаки отличать мясо от хлеба. По сравнению с хлебом, мясо оказывает на собаку иное действие, поскольку ощущение (Empfindung), получаемое ею от мяса, вызывает у нее иное вожеление, согласно естественной связи (Verknüpfung) влечений собаки с ее пред-

ставлениями (*Vorstellungen*). Выделенные понятия (ощущение, связь, представления) Кант затем будет разрабатывать в «Критике чистого разума» в разделах по трансцендентальной эстетике и трансцендентальной аналитике.

Пример с собакой Кант приводит, чтобы показать разницу между способностью различать вещи и способностью познавать различие между вещами. Последнее, по его мнению, возможно только посредством суждения (*Urteil*) и не доступно никакому неразумному животному. Однако это также означает, что животные действуют сообразно некоторым представлениям.

В сноске к примеру с собакой Кант также указывает, что из внешнего поведения животных, подмечаемого нами, еще не следует, что внутри их существа происходит соответствующее когнитивное действие, т.е. что они обладают некой способностью к суждениям [Кант 1994а, 39–40]. Способностью составлять суждения в «Критике чистого разума» Кант назовет рассудок (*Verstand*) (*KrV*, В 94) [Кант 2006а, 159]. Можно сказать, что, хотя Кант допускает наличие чувственности у собаки, он не готов согласиться с предположением о существовании животного рассудка.

Любопытно, что ровно противоположное допущение он использует позднее, когда будет рассуждать о внешнем поведении и внутренних когнитивных действиях людей. У нас нет прямого доступа к внутреннему миру другого человека, поэтому на основании внешнего опыта мы не можем составить представление о том, что он является мыслящим существом. Проблему других сознаний Кант будет решать посредством аналогии – простого перенесения «этого моего сознания на другие вещи, которые лишь благодаря такому перенесению представляются мной как мыслящие существа» (*KrV*, В 405) [Кант 2006а, 517]. Такая аналогия работает, только когда мы говорим о сознании людей, а в контексте проблемы животных сознаний Кант таких рассуждений не допускает: «Животное не вполне совершенное существо, ибо оно еще не обладает сознанием» [Кант 1994в, 387].

Сознание Кант определяет в лекциях по логике, прочитанных в Кенигсбергском университете с 1755 по 1796 год: «Сознание есть

представление о том, что во мне находится другое представление» [Кант 1994д, 289]. В «Критике чистого разума» Кант указывает, что на единстве сознания основывается сама возможность рассудка (*KrV*, В 137) [Кант 2006а, 209]. Поэтому, если у животных нет сознания, то у них не может быть и рассудка. В «Критике способности суждения» он прямо скажет, что человек – «единственное существо на Земле, обладающее рассудком» [Кант 2001, 699].

Вместе с тем, когда речь идет не о сознании (*Bewusstsein*), а о представлениях (*Vorstellungen*), Кант готов использовать аналогию для рассуждения о животных. Об этом он прямо напишет в «Критике способности суждения»: «Из подобия действий животных (основание к которым мы воспринять непосредственно не можем) действиям человека (которые мы непосредственно сознаем) мы можем по аналогии вывести совершенно верное заключение, что животные также действуют по представлениям (а не суть, как полагает Картезий, машины) и, несмотря на их специфическое различие, по своему роду (в качестве живых существ) не отличаются от людей» [Кант 2001, 308]. Животные способны ощущать приятное, однако, поскольку у них нет разума, для них совершенно не значимы красота и добро [Кант 2001, 47].

Итак, мы столкнулись с запутанной ситуацией: с одной стороны, Кант критикует картезианство и убежден в наличии у животных некоего внутреннего мира, связанного с наличием представлений и ощущений, с другой стороны, об этом наличии мы заключаем лишь на основании соотнесения их внешних действий с действиями людей. При этом такой аналогии недостаточно для допущения наличия у животных сознания, однако о сознании других людей мы заключаем именно по аналогии, т.е. посредством перенесения собственного сознания на других.

Кант много раз подчеркивает непостижимость загадки мышления животных для человека. Уже в «Грезах духовидца» (1766) он рассуждает над нематериальным принципом жизни, который имеет отношение и к чувственности животных, но который, вероятно, навсегда останется неясным [Кант 1994ж, 215]. А в «Критике чистого разума» он пишет: «В неодушевленной, а также в чистой животной природе мы не находим никакого основания мыслить какую-нибудь способность чувственно не обусловленной»

(*KrV*, В 575) [Кант 2006а, 711–713]. То есть, говоря о чувственности животных, Кант имеет в виду наш способ описания того, как мы воспринимаем их поведение. С точки зрения человека, нет никаких оснований предполагать, что животные обладают чем-то большим, чем чувственностью.

Обсуждая в «Критике чистого разума» свободу в практическом смысле, Кант будет выделять два типа произволения: животное и свободное. Животное произволение определяется только чувственными побуждениями, т.е. патологически (здесь Кант использует слово «*patologisch*» в его первоначальном значении как нечто, обусловленное чувственностью). Произволение, независимое от чувственных побуждений и определяемое разумом, называется свободным произволением (*KrV*, В 830) [Кант 2006а, 1007]. Итак, животность в «Критике чистого разума» связана с необходимым принуждением чувственными мотивами.

Ситуация осложняется еще больше тем, что в начале последней прижизненно опубликованной работы «Антропология в прагматическом отношении» (1798) Кант утверждает, что животные ничем не отличаются от вещей и с ними можно поступать по своему усмотрению [Кант 2024а, 163, 168]. Эту проблему нельзя объяснить спецификой перевода немецкого выражения «*Sachen, dergleichen die vernunftlosen Thiere sind*» [Кант 1900, 127], поскольку два из трех отечественных переводов, включая новейший вариант 2024 года, ясно отражают мысль позднего Канта: лишенные разума животные суть вещи. Утверждая это, Кант противоречит собственным рассуждениям о наличии у животных представлений и ощущений и сближается с критикуемым им ранее картезианством. Противоречие можно обнаружить даже в рамках одного произведения: после двойного упоминания в начале «Антропологии» о том, что животные суть вещи, Кант снова пишет о смутных представлениях (*dunkeler Vorstellungen*), ощущениях (*Empfindung*) и чувственности (*Sinnlichkeit*), которые есть не только у людей, но и у животных [Кант 2024а, 177, 198, 245].

Тезис Канта из «Антропологии» о том, что с животными можно обходиться как угодно по собственному усмотрению, вступает в противоречие с кантовской этикой, поскольку животные в «Метафизике нравов» (1797) находились под защитой косвенного долга

(indirekte Pflicht). Он пишет: «Даже благодарность за долголетнюю работу старой лошади или за длительную службу собаки (как если бы они были членами семьи) есть косвенно долг человека, а именно в отношении этих животных, но непосредственно она есть долг человека перед самим собой» [Кант 1994б, 487–488]. Там же Кант отдельно обсуждает недопустимость мучительных физических опытов над животными в целях одной только спекуляции и описывает их быстрое безболезненное умерщвление.

Как согласовать эти рассуждения Канта о животных? От вполне соответствующих духу кантианства утверждений о том, что загадка их мышления вряд ли когда-то будет окончательно разгадана, Кант приходит к мысли о соответствии животных вещам, а от критики жестокого обращения с ними – к тезису о том, что с ними можно поступать по своему усмотрению. Наиболее вероятное объяснение трансформации взглядов – проблема с картезианским *cogito*, положением «Я мыслю», которая возникает, если попытаться последовательно описать чувственность без рассудка: «Все многообразное в созерцании имеет, следовательно, необходимое отношение к [представлению] *я мыслю* в том самом субъекте, в котором это многообразное находится» (*KrV*, В 132) [Кант 2006а, 203]. Кант не готов признать наличие внутреннего чувства, инстанции «Я мыслю» или сознания у животных. С другой стороны, если допустить наличие рассудка у животных, то тогда необходимо признать не только их мышление, но и способность составлять суждения, единство апперцепции, и даже душу (если не как *Seele*, то хотя бы как *Gemüt*). На это Кант критического периода также не готов пойти. Поэтому, чтобы его система, построенная для исследования человека, оставалась последовательной, необходимо было полностью исключить из рассмотрения остальных живых существ.

Кант больше верит в разумных инопланетян, чем в мыслящих животных. На протяжении всего периода своего творчества Кант использует выражение «все разумные существа», но при этом заявляет, что на Земле разумны только люди [Кант 2024б, 33]. Вместе с тем уже в докритической «Всеобщей естественной истории и теории неба» (1755) он утверждает, что «большинство планет, несомненно, обитаемы, а необитаемые со временем будут

населены» [Кант 1994г, 245]. А в «Критике чистого разума» он допускает возможность жизни на Луне (*KrV*, В 521) [Кант 2006а, 651]. Кант верит в существование других инопланетных миров, в которых теоретически могут жить другие сознательные существа, однако не признает возможность сознания у других живых существ в нашем мире.

Философская система Канта, построенная для людей, не позволяет последовательно включить в нее животных. Но это не означает, что его философский проект не может быть использован для построения новейших современных моделей, предполагающих наличие мышления у животных. О том, что этот ход может быть оправдан, свидетельствуют последние достижения науки, демонстрирующие высокую вероятность наличия феноменального сознания как минимум у некоторых животных.

Многие животные проходят тесты, свидетельствующие о наличии самосознания, способны испытывать боль и эмоции, а также овладевать семиотическими системами. Междисциплинарным сообществом ученых признается наличие нейронных коррелятов сознания у некоторых млекопитающих, птиц и осьминогов. Среди наиболее известных деклараций, подписанных нейробиологами, биологами и философами, – Кембриджская (2012) и Нью-Йоркская (2024). Можно с уверенностью утверждать, что как минимум картезианство с его положением о животном-автомате сегодня считается нерелевантным. Однако отрицание картезианства еще не означает наличия консенсуса относительно существования животного сознания, разума и/или рассудка. Например, в общественной дискуссии, вызванной публикацией Нью-Йоркской декларации о сознании животных в 2024 году, прозвучало критическое мнение нейробиолога Х. Лау о том, что чувственность животных может быть не связана с сознанием (см.: [Lau 2022, 145, 152, 154]). Доказательства, которые приводят ученые, касаются внешней реакции животных на раздражители и не говорят нам ничего о наличии или отсутствии субъективного опыта [Smith 2024]. Эта позиция, выраженная в критическом духе кантианства, подтверждает актуальность проблемы соотношения чувственности и мышления животных, поднятой Кантом.

Противоречивые тезисы о животных, оставленные Кантом на страницах своих произведений, служат предметом пристального внимания многих современных исследователей-кантоведов и позволяют им последовательно отстаивать различные точки зрения на проблему животного мышления. Кантовские и кантианские наработки используются сегодня на пересечении сразу нескольких исследовательских областей, к которым относятся не только когнитивные исследования, но и эпистемология, этика, и даже метафизика. Актуальному состоянию дискуссии о мышлении животных в кантианстве посвящен следующий раздел статьи.

Чувственность без рассудка и пространство без времени

В современной исследовательской кантоведческой литературе дискуссия о мышлении животных встраивается в спор о концептуализме и нон-концептуализме у Канта [McLear 2025]. Этот спор касается различия между чувственностью (*Sinnlichkeit*) и рассудком (*Verstand*), а также между созерцанием (*Anschauung*) и понятием (*Begriff*). Концептуализм постулирует, что созерцание зависит от рассудка так же, как и от чувственности. Нон-концептуализм утверждает, что созерцания продуцируются только чувственностью и не зависят от рассудка.

Поскольку эта дискуссия проводится преимущественно на английском языке, важно указать, что в англоязычных текстах кантовское понятие «созерцание» (*Anschauung*) традиционно переводится как «intuition», а не «contemplation», поскольку наследует латинскому понятию «intuitus». Кант понимал интуицию как чувственное созерцание и отвергал интеллектуальную интуицию. Отдельной проблемой для исследователей стала трансформация ряда понятий кантовской философии из-за специфики перевода. Необходимо учитывать этот контекст при работе с англоязычными источниками.

Кантианские дискуссии о природе человеческого чувственного опыта стали предметом интереса современной теоретической аналитической философии [Соболева 2018]. Среди наиболее известных представителей концептуализма, считающих, что созерцания представляют собой концептуально нагруженные представления, –

У. Селларс, Дж. Макдауэлл, Х. Гинсбург. Нон-концептуалисты, утверждающие, что представления не нуждаются в понятиях, – Г. Эванс, Р. Ханна, Л. Эллейс. Если оставаться в рамках кантовской антропологии, то наиболее последовательной выглядит концептуалистская позиция [McLear 2025]. Принято считать, что сам Кант в §17 «Критики чистого разума» выражает симпатию концептуализму, поскольку утверждает, что пространство и время суть созерцания, благодаря которым многие представления содержатся в одном и том же сознании, а все многообразное в созерцании подчинено условиям изначально-синтетического единства апперцепции (*KrV*, В 137) [Кант 2006а, 209–210]. Однако позиция концептуализма имеет подводные камни, и, прежде всего, она оказывается проблематичной, если экстраполировать ее с людей на животных.

От того, какую позицию в споре концептуализма и нон-концептуализма выберет исследователь-кантовед, будет зависеть и его теория мышления животных. Если допустить, что, по Канту, созерцания не могут производиться лишь чувственностью (концептуализм), то окажется, что любое животное, у которого отсутствуют когнитивные рассудочные способности, будет лишено не только мышления, но и всякого перцептивного опыта. А учитывая, что Кант ясно утверждает, что у животных нет ни рассудка, ни разума, любого перцептивного опыта лишаются вообще все животные. И, хотя такая позиция согласуется с тезисами из «Антропологии в прагматическом отношении», другим текстам Канта, в том числе трем его критикам, она противоречит. Помимо всего прочего, картезианское представление об отсутствии всякого субъективного опыта у животных сегодня считается устаревшим и интуитивно непривлекательным для большинства исследователей.

Поэтому когда сторонники концептуализма говорят о проблеме мышления животных, как правило, они выстраивают свою аргументацию апологетически. Например, Дж. Хаттон, «вопреки всеобщему мнению», заявляет о том, что взгляды Канта на животных совместимы с некоторыми формами концептуализма [Hutton 2020, 982]. Свою позицию он называет «ограниченным концептуализмом» и утверждает, что он не только логически воз-

можен, но и правдоподобен. Хаттон доказывает, что созерцание действительно производится рассудком, но это касается только людей. По его мнению, человеческое созерцание принципиально отличается от животного: созерцание человека производится посредством синтеза воображения, за который отвечает рассудок, в то время как созерцание животных создается только ассоциативным воображением. Вследствие этого созерцание животных не может представлять объективные временные структуры (постоянство, последовательность), но способно представлять объекты как совокупности признаков, расположенные в пространстве. Они являются представлениями внешних вещей, а не просто субъективными состояниями, но, поскольку ассоциативно сгенерированные созерцания принципиально отличаются от мышления, они не могут принадлежать человеческому сознанию, границы которого фиксируются единством апперцепции. Поэтому воображение животного может объединять чувственный материал посредством рецептивных и ассоциативных процессов, но не в соответствии с правилами синтетического единства.

Чтобы подтвердить последовательность этой теории в рамках кантианства, Хаттон приводит выдержки из лекций по метафизике зимнего семестра 1782/1783 (*V-Met/Mron*, 29:884). В них Кант говорит, что способности к репродуктивному воображению либо могут сопровождаться апперцепцией (тогда ими обладают только люди), либо нет (тогда они могут принадлежать и животным).

В «Критике чистого разума» Кант покажет, что, в отличие от продуктивной способности воображения, репродуктивная способность опирается на условия опыта, ее синтез подчинен только эмпирическим законам ассоциации, вследствие чего она нисколько не способствует объяснению возможности познаний априори (*KrV*, В 152) [Кант 2006а, 227]. Репродуктивная способность воображения не касается трансцендентальной философии, и ее рассмотрение относится скорее к психологии, поэтому из дальнейшего рассмотрения Кант ее исключает, что оказывается выигрышным для подхода Хаттона.

Другая сильная сторона подхода Хаттона заключается в его оригинальном решении дистанцироваться от специфики челове-

ческого созерцания. Пространство и время в «Критике чистого разума» суть «чистые формы всякого чувственного созерцания» (*KrV*, В 56) [Кант 2006а, 115] и необходимые представления, лежащие в основе всех созерцаний. Вместе с тем, когда речь идет о животных, то подход Хаттона позволяет нам предположить, что в основе чувственных созерцаний лежит только пространство без времени.

Это не противоречит тезису концептуализма, поскольку в отношении человеческого познания данная интерпретация следует букве кантовского учения, однако концептуализм оказывается «ограниченным», поскольку не распространяется на других живых существ и касается только людей. Строго говоря, позиция Хаттона оказывается срединной между концептуализмом и нон-концептуализмом, поскольку в отношении людей он – концептуалист, а в отношении животных – нон-концептуалист. Однако он предпочитает именовать себя «ограниченным концептуалистом».

Пространство без времени может быть интересным выходом еще и потому, что ограничивает проблему внутреннего чувства, неизбежно возникающую при попытке последовательного построения кантианской теории чувственности без рассудка.

Время в философии Канта посредством внутреннего чувства связано с самоаффицированием и является условием внутренних явлений души (как *Seele*, так и *Gemüt*). О том, как внутреннее чувство аффицируется с помощью эмпирического действия души, можно более подробно прочитать у Л. Си [Си 2021]. По Канту, «время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т.е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния» (*KrV*, В 50) [Кант 2006а, 109], а внутреннее чувство, в свою очередь, – это чувство, «посредством которого душа (*Gemüt*) созерцает самое себя или свое внутреннее состояние» (*KrV*, В 37) [Кант 2006а, 93]. Связь времени с понятием души нужна Канту, скорее всего, для решения другой проблемы, не связанной с мышлением животных: его интересуют метафизическая проблема поиска аналога места души и вопрос о паралогизмах чистого разума. Когда Кант во втором издании «Критики чистого разума» откажется от тезиса о субстанциальности души, он предложит новое определение

души (Seele): «Я, как мыслящее существо, есмь предмет внутреннего чувства и называюсь душой; то, что есть предмет внешних чувств, называется телом» (*KrV B 400*) [Кант 2006а, 511]. Внутреннее чувство здесь он будет использовать для обоснования тезиса о непознаваемости нашего «Я», заявляя, что внутреннее чувство представляет нам самим себя как явления, а не каковы мы сами по себе (*KrV, B 153*) [Кант 2006а, 227]. Иными словами, Кант связывает душу с внутренним чувством и доказывает ее внепространственный характер. Вот почему исследователи не могут допустить наличие внутреннего чувства у животных, не выходя при этом за рамки кантовской философии.

В примере с собакой из раннего текста «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма», с которого мы начали, Кант завершает свои рассуждения о способности различать вещи (собака) и способности познавать отличие между вещами (человек) следующей цитатой: «Если бы удалось постигнуть, что это за таинственная сила, которая делает возможными суждения, то задача была бы решена. В данный момент я считаю, что эта сила, или способность, есть не что иное, как способность внутреннего чувства, т.е. способность делать свои собственные представления предметом своих мыслей» [Кант 1994а, 40]. Это свидетельствует о том, что уже докритический Кант предполагал отсутствие внутреннего чувства у животных.

В заметке «О внутреннем чувстве», написанной ориентировочно в период подготовки второго издания «Критики чистого разума», отмечается зависимость внутреннего чувства от внешнего (пространственного), и из внутреннего чувства не может быть выведено представление пространства как формы созерцания [Кант 1994з, 656–658]. Это позволяет заключить, что время без пространства невозможно, но возможно ли пространство без времени? Ведь именно об этом говорит Хаттон, когда выстраивает свою теорию чувственности у животных. По Канту, однозначно, нет, и «реальность внешнего чувства необходимо связана с реальностью внутреннего чувства как условие возможности опыта вообще» (*KrV, B XLI*) [Кант 2006а, 45]. Хаттон использует лазейку ассоциативного воображения, чтобы объяснить чувственность без рассудка и пространство без времени у животных, однако все же ему не вполне удается

оставаться в рамках кантианского дискурса. Тем не менее его теория определенно заслуживает внимания, прежде всего потому, что позволяет совместить концептуализм человеческого представления и нон-концептуализм представления нечеловеческого.

Если среди исследователей проблемы соотношения чувственности и рассудка в отношении человеческого познания наиболее распространенным является концептуализм, то в *animal studies* большее развитие получил нон-концептуалистский подход. Например, Л. Эллайс признает, что Кант является концептуалистом в отношении содержания восприятия, однако указывает на две группы фрагментов, которые, по ее мнению, подтверждают кантовский нон-концептуализм в отношении созерцания. Во-первых, на нон-концептуализм могут указывать рассуждения Канта о неконгруэнтных подобиях: никаким понятием мы не можем объяснить различие подобных и равных, но тем не менее не конгруэнтных вещей, например, раковины улитки; это различие касается непосредственно созерцания (*Prol.*, 4:286). И вторая группа фрагментов, на которые указывает Эллайс, касается обсуждения восприятия животных: есть основания полагать, что животные могут обладать внепонятийной осведомленностью об объектах. Версия нон-концептуализма, которой придерживается Эллайс, допускает, что наше восприятие трансформируется концептуализацией и является совершенно отличным от восприятия животных [Эллайс 2021, 7]. Можно заключить, что в отношении животных нон-концептуализм Эллайс оказывается вполне совместимым с ограниченным концептуализмом Хаттона.

Компромиссная позиция, в основе которой лежит признание зависимости чувственного созерцания людей от понятий рассудка и вместе с тем допущение неконцептуального восприятия у животных, может также косвенно подтверждаться оригинальным рассуждением Канта из лекций по логике, в котором он признает наличие степеней познания. Всего в отношении объективного содержания нашего познания Кант выделяет семь ступеней, которые можно обозначить так: представление, восприятие, знание, познание, понимание, разумное усмотрение и постижение [Кант 1994д, 321–322]. Различие между третьей и четвертой ступенью (между знанием и познанием) иллюстрируется на примере

животных: они знают (*kennen*) предметы, но не познают (*erkennen*) их. Кант объясняет, что познавать (*erkennen*, *cognoscere*) – это иметь осознанное знание о чем-либо [Kant 1870, 71]. Это положение нельзя использовать для того, чтобы говорить о различных степенях сознания у разных живых существ, поскольку в случае животных речь идет о знании без сознания. Однако это позволяет представителям нон-концептуализма утверждать, что в рамках философии Канта в принципе возможно восприятие вне концептуального осмысления.

В 2023 году вышла книга Л. Стивенсона, посвященная исследованию неконцептуального восприятия у животных [Stevenson 2023]. Стивенсон утверждает, что Кант предвосхитил современные дебаты о процессе познания у животных и тем самым внес ценный вклад в понимание опыта восприятия, выходящего за пределы человеческих возможностей. Учитывая современное состояние науки о животных, Стивенсон проводит различие между сенсорной регистрацией и перцептивным представлением, показывая, что даже простейшие организмы, такие как бактерии, проявляют чувствительность к пространственным отношениям без полного перцептивного представления.

Хотя кантианские дебаты о мышлении животных далеки от консенсуса, на основании избранного материала можно выделить общую нарративную линию. Прежде всего, вне зависимости от позиции в споре о концептуализме, тезис о том, что у животных есть как минимум чувственность, можно считать постулатом. А если мы признаем за животными чувственность, т.е. способность получать представления о предметах, то нам приходится либо игнорировать, либо критиковать тезисы Канта об уподоблении животных вещам. Другая проблема связана с тем, что, хотя вопрос о рассудке животных часто решается современными исследователями в пользу его наличия, необходимо признать, что в рамках кантовской философии у животных рассудка нет. Тогда исследователь может признать, что Кант ошибался, и предложить собственную теорию животного мышления на материале кантовского проекта или вне его, а может попытаться построить теорию чувственности без рассудка и изучать неконцептуальное восприятие. Последнее может оказаться перспективным не только

в контексте кантианства, но и в свете новейших антропологий, фокусирующихся на нечеловеческом мышлении, а также позволит внести вклад в перспективное направление животной этики.

Заключение

Кант предполагал, что у животных есть представления, созерцания, чувственность и ощущения, однако отрицал животный разум и рассудок. Вместе с этими когнитивными способностями животные оказались лишенными сознания и самой инстанции «Я мыслю». Ситуация, при которой животные обладают чувственностью, но при этом не могут мыслить, оказалась парадоксальной для кантовской философии – как итог, в «Антропологии» Кант сближает их по статусу с вещами. Такое решение выглядит неудовлетворительным в свете новейших исследований животного мышления, и поэтому многие современные исследователи выстраивают концепции, позволяющие, с одной стороны, соответствовать актуальным научным трендам, и с другой стороны, оставаться в русле кантовской философии.

Среди множества подходов для данной статьи были выбраны концепции, наиболее успешно претендующие на сообразность оригинальному кантовскому тексту, по мнению автора статьи. Сам Кант не представил целостного взгляда на природу животных ни в одной из своих работ и писал о животных лишь в контексте их сопоставления с человеком, поэтому его позиция реконструируется на основе анализа фрагментов, в которых обсуждаются особенности восприятия животных. Зачастую эти фрагменты дают основания для противоречивых интерпретаций. Если согласиться с тем, что Кант остается концептуалистом, когда рассуждает о человеке, и допустить его нон-концептуализм в отношении животных, то получится избежать некоторых опасных парадоксов. Например, можно будет непротиворечиво описать чувственность без рассудка и пространство без времени для животных, что недопустимо в отношении человека.

Кант не раз указывал, что принцип, по которому действует чувственность животных, скорее всего, так и останется непроясненным. Однако его собственная концепция продемонстрировала богатый потенциал для включения в нее неконцептуальных форм восприятия.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Кант 1994а – *Кант И.* Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма // *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2 / под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Чоро, 1994. С. 23–40.

Кант 1994б – *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6 / пер. с нем.; под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Чоро, 1994. С. 224–543.

Кант 1994в – *Кант И.* Заметки в книге «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» // *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2 / под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Чоро, 1994. С. 353–392.

Кант 1994г – *Кант И.* Всеобщая естественная история и теория неба // *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1 / под обще. ред. А.В. Гулыги. – М.: Чоро, 1994. С. 112–260.

Кант 1994е – *Кант И.* Логика // *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8 / под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Чоро, 1994. С. 137–376.

Кант 1994ж – *Кант И.* Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2 / под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Чоро, 1994. С. 203–266.

Кант 1994з – *Кант И.* О внутреннем чувстве // *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8 / под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Чоро, 1994. С. 655–658.

Кант 2000 – *Кант И.* Из рукописного наследия / под ред. В.А. Жучкова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Кант 2001 – *Кант И.* Критика способности суждения // *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 4 / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. – М.: Наука, 2001.

Кант 2006а – *Кант И.* Критика чистого разума (В) // *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Часть 1 / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга – М.: Наука, 2006. .

Кант 2024а – *Кант И.* Антропология в прагматическом отношении // *Кант И.* Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии: в 3 т. Т. 1. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. С. 162–396.

Кант 2024б – *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Кант И.* Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии: в 3 т. Т. 2. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. С. 31–47.

Си 2021 – *Си Л.* Кант о внутреннем чувстве, созерцании времени и самоаффицировании // Кантовский сборник. 2021. Т. 40. № 2. С. 27–66.

Соболева 2018 – *Соболева М.Е.* Как читать Канта, или Кант в контексте современных эпистемологических дискуссий в западном аналитическом кантоведении // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 129–140.

Эллайс 2021 – *Эллайс Л.* Концептуализм и нон-концептуализм у Канта: обзор недавних дискуссий / пер. с англ. М.Д. Евстигнеева // Трансцендентальный журнал. 2021. Т. 2. № 2.

Hutton 2020 – *Hutton J.* Kant, Animal Minds, and Conceptualism // *Canadian Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 50. No. 8. P. 981–998.

Kant 1870 – *Kant I.* Logik. – Berlin: Verlag von L. Heimann, 1870.

Kant 1900 – *Kant I.* Anthropologie in pragmatischer Hinsicht // *Akademieausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Werken*. Band VII. – Berlin: Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1900. S. 117–334.

Lau 2022 – *Lau H.* In Consciousness We Trust: The Cognitive Neuroscience of Subjective Experience. – Oxford: Oxford University Press, 2022.

McLear 2025 – *McLear C.* Kantian Conceptualism/Nonconceptualism // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2025 Edition) / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/entries/kant-conceptualism/>

Smith 2024 – *Smith M.* Do Creatures Have Consciousness? // *The Earth & I*. 2024. – URL: <https://www.theearthandi.org/post/do-creatures-have-consciousness>.

Stevenson 2023 – *Stevenson L.* Animals, Humans and Kant. – Valencia: Tirant Humanidades, 2023.

REFERENCES

Allais L. (2021) Conceptualism and Nonconceptualism in Kant: A Survey of the Recent Debate (M.D. Evstigneev, Trans.). *Studies in Transcendental Philosophy*. Vol. 2, no. 2 (Russian translation).

Hutton J. (2020) Kant, Animal Minds, and Conceptualism. *Canadian Journal of Philosophy*. Vol. 50, no. 8, pp. 981–998.

Kant I. (1870) *Logik*. Berlin: Verlag von L. Heimann (in German).

Kant I. (1900) Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. In: *Akademieausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Werken* (Vol. 7, pp. 117–334). Berlin: Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin (in German).

Kant I. (1994a) False Subtlety of the Four Syllogistic Figures. In: Kant I. *Collected Works in 8 Vols.* (A.V. Gulyga, Ed.; Vol. 2, pp. 23–40). Moscow: Choro (Russian translation).

Kant I. (1994b) The Metaphysics of Morals. In: Kant I. *Collected Works in 8 Vols.* (A.V. Gulyga, Ed.; Vol. 6, pp. 224–543). Moscow: Choro (Russian translation).

Kant I. (1994c) Notes in the Book “Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime.” In: Kant I. *Collected Works in 8 Vols.* (A.V. Gulyga, Ed.; Vol. 2, pp. 353–392). Moscow: Choro (Russian translation).

Kant I. (1994d) Universal Natural History and Theory of the Heavens. In: Kant I. *Collected Works in 8 Vols.* (A.V. Gulyga, Ed.; Vol. 1, pp. 112–260). Moscow: Choro (Russian translation).

Kant I. (1994e) Logic. In: Kant I. *Collected Works in 8 Vols.* (A.V. Gulyga, Ed.; Vol. 8, pp. 137–376). Moscow: Choro (Russian translation).

Kant I. (1994f) Dreams of a Spirit-Seer Elucidated by Dreams of Metaphysics. In: Kant I. *Collected Works in 8 Vols.* (A.V. Gulyga, Ed.; Vol. 2, pp. 203–266). Moscow: Choro (Russian translation).

Kant I. (1994g) On the Inner Sense. In: Kant I. *Collected Works in 8 Vols.* Vol. 8 (A.V. Gulyga, Ed.; pp. 655–658). Moscow: Choro (Russian translation).

Kant I. (2000) *From the Manuscript Heritage* (V.A. Zhuchkov, Ed.). Moscow: Progress-Traditsiya (Russian translation).

Kant I. (2001) Critique of Judgment. In: Kant I. *Works in German and Russian* (N.V. Motroshilova & B. Tushling, Eds.; Vol. 4). Moscow: Nauka (Russian translation).

Kant I. (2006) Critique of Pure Reason (B). In: Kant I. *Works in German and Russian* (N.V. Motroshilova & B. Tushling, Eds.; Vol. 2, part 1). Moscow: Nauka (Russian translation).

Kant I. (2024a) Anthropology from a Pragmatic Point of View. In: Kant I. *Works on Anthropology, Political Philosophy and Philosophy of Religion* (Vol. 1, pp. 162–396). Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publishing House (Russian translation).

Kant I. (2024b) Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose. In: Kant I. *Works on Anthropology, Political Philosophy and Philosophy of Religion* (Vol. 2, pp. 31–47). Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publishing House (Russian translation).

Lau H. (2022) *In Consciousness We Trust: The Cognitive Neuroscience of Subjective Experience*. Oxford: Oxford University Press.

McLear C. (2025) Kantian Conceptualism/Nonconceptualism. In: Zalta E. N. & Nodelman U. (Eds.) *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2025 Edition). Retrieved from <https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/entries/kant-conceptualism/>

Smith M. (2024) Do Creatures Have Consciousness? *The Earth & I*. Retrieved from <https://www.theearthandi.org/post/do-creatures-have-consciousness>

Soboleva M.E. (2018) How to Read Kant, or Kant in the Context of Contemporary Epistemological Discussions in Western Analytical Kant Studies. *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 129–140 (in Russian).

Stevenson L. (2023) *Animals, Humans and Kant*. Valencia: Tirant Humanidades.

Xi L. (2021) Kant on Inner Sense, Intuition of Time, and Self-Affection. *Kantian Journal*. Vol. 40, no. 2, pp. 27–66 (in Russian & German).